

Предисловие

Книга, которую вы держите в руках, — это правдивое повествование о разгадке одной из самых завораживающих тайн европейской истории и об одной несправедливо забытой американке, которая, если бы прожила чуть дольше, вероятно, раскрыла бы эту тайну. Это рассказ о полувековой работе по дешифровке письменности бронзового века, скромное название которой — линейное письмо Б — контрастирует с ее ослепительной красотой и непреодолимой притягательностью.

Впервые я столкнулась с линейным письмом Б более 30 лет назад, мечтательным подростком, — и была опьянена им. Эта история до сих пор не утратила для меня своей таинственности и сюжетной силы. В центре ее — таблички, погребенные в земле почти 3 тыс. лет назад и извлеченные на свет в самом начале XX века. Символы на табличках, датируемых II тысячелетием до н. э., не похожи ни на одну известную к 1900 году письменность. К тому же невозможно было понять, слова какого языка эти таблички сохранили.

Дешифровка линейного письма Б считалась одной из наиболее трудных задач всех времен. Пять десятилетий выдающиеся специалисты безуспешно пытались взломать код.

В 1952 году таблички неожиданно прочитал молодой английский архитектор Майкл Вентрис — не профессионал-лингвист, а дилетант. Вентрис — смелый, блестящего ума человек — долго был одержим табличками. Как я позднее узнала, это была печальная история. Мне, подростку, история Вентриса казалась чрезвычайно романтичной — не в последнюю очередь из-за ее финала: в 1956 году, через четыре года после решения загадки, в возрасте 34 лет Вентрис погиб при обстоятельствах, которые до сих пор дают повод для споров.

Но какой бы захватывающей ни была эта история, она оказалась неполной. Не хватало главного действующего лица — Алисы Элизабет Кобер. Она, спокойно и методично работая у себя дома, в Бруклине, к середине XX века стала ведущим специалистом по линейному письму Б. Увы, сейчас имя Кобер почти забыто, а ведь незадолго до безвременной кончины в 1950 году она вплотную подошла к решению задачи.

Полная история Алисы Кобер здесь излагается впервые. Как свидетельствуют опубликованные работы и ее частная переписка, именно Кобер заложила фундамент, на котором Вентрис возвел здание своей дешифровки. Без участия Кобер линейное письмо Б не было бы дешифровано, возможно, никогда. В последние годы стало очевидно, что вклад Кобер в дешифровку можно сравнить с вкладом другой неизвестной героини современности, англичанки Розалинд Франклин, в открытие Фрэнсисом Криком и Джеймсом Уотсоном молекулярной структуры ДНК.

Поразительнее всего то, что всю работу Кобер сделала, имея под рукой в основном бумагу и чернила, без “машин Ай-би-эм”, о которых она отзывалась с презрением. Тем не менее (в том числе потому, что историю пишут победители) упоминания о ее вкладе в дешифровку линейного письма Б почти не встречаются.

К настоящему моменту опубликованы две тоненькие книжки об истории дешифровки линейного письма Б: Джона Чедуика и Эндрю Робинсона*. Оба автора почти не уделяют внимания Алисе Кобер. Впрочем, они едва ли могли поступить иначе: лишь недавно биографам стали доступны личные бумаги Кобер (в том числе ее десятилетняя переписка с другими исследователями линейного письма Б) и рабочие материалы объемом не в одну тысячу страниц. Благодаря недавно открывшемуся архиву Кобер в Техасском университете я впервые могу подробно рассказать о дешифровке. Это не значит, конечно, что моя книга вытеснит работы Чедуика и Робинсона: я глубоко благодарна обоим авторам. И стремлюсь дополнить их.

В 1948 году Алиса Кобер отметила: “Мне не нравится идея оплаты научных исследований... Если бы я желала зарабатывать сочинительством, то писала бы детективы”. Как выясняется теперь, именно *детективы* она и писала. Ее работы — это сценарий, где в центре внимания находится проблема археологической дешифровки. Я уделила много места криптоанализу, лежащему в основе дешифровки неизвестной письменности, и шаг за шагом описала работу Кобер и других дешифровщиков.

Эта книга представляет собой развитие, а порой и опровержение некоторых биографических очерков из предыдущих работ о дешифровке. Поскольку их авторы не были знакомы с письмами Кобер, они воссоздавали ее образ по немногочисленным научным статьям. Так с неизбежно-

* См.: SHADWICK, J. *The Decipherment of Linear B*. Cambridge: Cambridge University Press, 1958; ROBINSON, A. *The Man Who Deciphered Linear B: The Story of Michael Ventris*. London and New York: Thames & Hudson, 2002. — Прим. автора.

стью сложился образ суровой женщины, лишенной чувства юмора и ничем в мире не интересующейся, кроме линейного письма Б.

Эндрю Робинсон писал, что, “по словам Вентриса, Алиса Кобер избрала подход «строгий, но необходимый»... Но, чтобы пройти дальше, потребовался ум такой же, как у него — соединяющий в себе ее упорство, логику и методичность с готовностью идти на интеллектуальный риск”.

Замечу, однако, что Алиса Кобер, человек несомненно осторожный и последовательный, была при этом (как со всей очевидностью свидетельствуют сотни ее писем) жизнерадостной, обаятельной, самокритичной и любопытной. Всю свою недолгую жизнь Кобер испытывала глубокую страсть — к преподаванию, к учебе, к справедливости, — которая, кажется, родилась из ее “чувства уместности вещей” и которая опровергает ее кажущуюся чопорность. Также из переписки Кобер становится ясно, что она позволяла себе, забавы ради, испытывать некоторые “сомнительные” методы дешифровки. Вентрис уже после смерти Кобер опробовал некоторые из них — и пришел к успеху.

Научная отрасль, в которой Алиса Кобер работала в 30–40-х годах, была преимущественно “мужским клубом”, и понятно, как относились к даме-коллеге современники-мужчины. Но то, что и в XXI веке об Алисе Кобер продолжают судить так же, гораздо менее понятно и приемлемо.

Уделяя главное внимание Алисе Кобер, я ни в коем случае не умаляю заслуг Майкла Вентриса или Артура Эванса. Просто другие уже описали в деталях их достижения (некоторые источники вы найдете в примечаниях в конце). Роль же Кобер в дешифровке, все еще недооцененная, — это повествовательный каркас моей книги. Я решила включить в текст обширные выдержки из ее писем: в них она даже больше, чем в своих виртуозных работах, раскрывается как личность.

Я стремилась вернуть долг и Майклу Вентрису. Я имею честь писать некрологи о выдающихся людях для “Нью-Йорк таймс”. В сентябре 1956 года некрологи Вентриса поместили газеты всей Европы. А вот большая доля американских СМИ, в том числе “Нью-Йорк таймс”, проигнорировала это событие. Вполне объяснимо: неподтвержденным новостям из-за границы нельзя доверять безоговорочно, к тому же эти некрологи не были особенно интересны с журналистской точки зрения. Даже если известие о смерти Вентриса все-таки дошло бы до отдела новостей “Нью-Йорк таймс”, оно не воодушевило бы усталого редактора ночной смены, который слышать не слышал ни о Вентрисе, ни о линейном письме Б. Так уж вышло, что заслуги Вентриса известны американскому читателю куда меньше, чем могли бы. Чтобы исправить, пускай даже с опозданием в 60 лет, досадное упущение и отстоять честь профессии, я излагаю и его историю.

Процедура дешифровки Вентрисом линейного письма Б все эти годы оставалась тайной. Как заметил Эндрю Робинсон, “у Вентриса, в отличие от Ариадны, не было путеводной нити, чтобы пройти по лабиринту линейного письма Б. Даже сам Вентрис не умел последовательно объяснить свой метод”. Я рискнула сделать это за него.

Если процесс дешифровки линейного письма Б изобразить схематически, то истории Кобер и Вентриса предстанут двумя сторонами равнобедренного треугольника. В основание треугольника помещено третье действующее лицо этой драмы — харизматичный английский археолог Артур Эванс, в 1900 году явивший миру таблички.

Этим трем фигурам — археологу Эвансу, детективу Кобер и архитектору Вентрису, благодаря которым было дешифровано линейное письмо Б, — и посвящена моя книга.